

Синь Ин тоже была в белой рубашке, на которой красовался такой же узор из фрезий, как и у Линь Лэяо.

Как только они сели в машину, Линь Лэяо неожиданно нарушила гнетущую тишину:

— Давно не виделись.

Синь Ин ответила:

— Давно.

Помолчав немного, Синь Ин спросила:

— Все документы взяла?

— Да, все при мне.

— Хорошо.

Когда они вышли из бюро регистрации браков, в руках у каждой было по красной книжечке. Линь Лэяо открыла обложку и увидела их совместное фото на ярко-красном фоне.

Одна с густыми темно-каштановыми локонами, яркая и ослепительная; другая с прямыми угольно-черными волосами, с холодными, отстраненными чертами лица. Глядя в объектив, они смотрелись на удивление гармонично.

Поправив маску на лице, Линь Лэяо выдохнула. Она и не думала, что зарегистрировать брак окажется так просто.

Домой они не поехали. Черный автомобиль промчался по оживленному проспекту и остановился у входа в один из самых известных ресторанов города S.

Выйдя из машины, Синь Ин, прихватив с заднего сиденья несколько подарочных пакетов, спросила:

— Это подарки для твоих родителей. Как думаешь, подойдет?

Линь Лэяо заметила их еще в машине. Это были дорогие вещи, которые определенно пришлись бы по вкусу Цзи Жун и Линь Шуцзюню — сразу видно, Синь Ин заранее навела справки.

— Ты выбрала именно то, что им нравится, — ответила Линь Лэяо.

В бронированном кабинете еще никого не было. Они заняли свои места, и Синь Ин уточнила заказ у официанта. Время тянулось медленно, Линь Лэяо достала телефон, чтобы проверить время. До условленного часа оставалось пятнадцать минут, а Цзи Жун с отчимом все еще не появились.

Прошло полчаса, прежде чем в дверь постучали. Вошли Цзи Жун, Линь Шуцзюнь и Линь Чжипэй.

Синь Ин поднялась и вежливо произнесла:

— Здравствуйте, мама, папа.

От этого обращения Цзи Жун и Линь Шуцзюнь застыли на месте. Лицо Цзи Жун окаменело: она специально опоздала, так как все еще злилась из-за того, что последней узнала о браке дочери с семьей Синь. Она привыкла вращаться в кругах светских дам и о Синь Ин почти ничего не знала. Узнав, что Линь Ляо выходит замуж за младшую дочь семьи Синь, она навела справки. Изучив всё о семье Синь и о самой Синь Ин, она поумерила свой пыл, но природная спесивость и обида на то, что дочь не поставила её в известность, заставили её устроить эту маленькую сцену.

Не ожидая такого приветствия, Цзи Жун растерялась, не зная, что ответить. Зато Линь Шуцзюнь рассмеялся:

— Хорошо, хорошо, Сяо Ин, садись.

Все расселись. Линь Ляо, сидевшая рядом с Синь Ин, после того как та назвала родителей мамой и папой, вся напряглась и двигалась как в тумане. Лишь когда все заняли свои места, она пришла в себя и покосилась на спокойный профиль Синь Ин.

Синь Ин держалась невозмутимо и вела непринужденную беседу с Линь Шуцзюнем, и никто не заметил, что её тонкие уши покраснели до корней.

Синь Ин начала доставать подарки: Линь Шуцзюню — чайник из исинской глины, Цзи Жун — сумку известного люксового бренда, а Линь Чжипэй — картину маслом.

Увидев логотип на коробке, Цзи Жун тут же сменила гнев на милость, просияв от радости. Внутри оказалась лимитированная сумка, которую было почти невозможно достать.

Цзи Жун взяла её в руки, осмотрела со всех сторон и восторженно воскликнула:

— Сяо Ин, где ты её достала? Я полгода в листе ожидания, и всё никак!

— Друг помог купить за границей, — ответила Синь Ин.

Получив такой подарок, Цзи Жун уже не могла вести себя холодно и стала гораздо приветливее.

Сидевшая рядом тихая Линь Чжипэй тоже открыла свою коробку. Увидев подпись на картине, она округлила глаза. Недавно они с мамой были на аукционе, где видели эту работу. Тогда знакомая тетя, узнав, что Линь Чжипэй учится на живописца, посоветовала купить картину для дома. Мама так и сделала, но на аукционе нашелся другой претендент, и цена взлетела до небес. Линь Чжипэй, будучи разумной девушкой, попросила маму остановиться.

Кто бы мог подумать, что эта картина всё-таки окажется у неё в руках? Значит, тот, кто выложил огромную сумму за этот лот, — это и есть супруга сестры?

Это же просто подарок при первой встрече — и такая щедрость. Как же эта Синь Ин любит сестру...

Линь Чжипэй опустила взгляд, скрыв мрачный блеск в глазах за густыми ресницами.

Официант принес блюда, и беседа потекла своим чередом. Несмотря на смягчение тона, Цзи Жун всё ещё была недовольна тем, что Линь Ляо скрыла от неё помолвку.

— Ляо, почему ты так внезапно вышла замуж за Сяо Ин? Тебе всего двадцать пять, разве это

не время для карьерного роста?

Синь Ин удивленно посмотрела на Линь Лэяо. Корпорация «Хуаньлин» испытывала финансовые трудности, и как Цзи Жун, будучи единственной дочерью Цзи Хунчэня, могла об этом не знать? Даже если дома об этом молчали, стоило хоть немного интересоваться делами компании. Мама Линь Лэяо... Синь Ин едва заметно нахмурилась.

Никто не обратил внимания на её выражение лица. Линь Лэяо ответила сухо:

— Двадцать пять — это не так уж мало. Прошло пять лет с момента достижения брачного возраста, пора бы и замуж.

Она не стала отвечать прямо.

Цзи Жун нахмурилась:

— Я тебя спрашиваю, а ты мне что отвечаешь? Постоянно с дедом общаешься, ты точно моя дочь?

После этих слов Синь Ин нахмурилась еще сильнее. Линь Шуцзюнь и Линь Чжипэй, казалось, привыкли к такому тону общения, поэтому даже глазом не повели, продолжая молча есть.

Не желая, чтобы Синь Ин видела их разборки, Линь Лэяо отложила палочки:

— Мам, я твоя дочь, как я могу этого не знать? Я выросла с бабушкой, как мне с ним не быть близкой? Я о многом молчу, чтобы ты лишний раз не волновалась.

Цзи Жун это не устроило:

— С детства не хотела со мной жить, всё к деду рвалась. А теперь актриса — график ненормированный, скажи, сколько раз в год ты бываешь дома?

Линь Лэяо промолчала.

— Раз уж вышла замуж, — продолжала Цзи Жун, — я знаю, семья Синь — это клан, народу много. Сяо Ин управляет огромной корпорацией, она очень занята. Думаю, тебе лучше завязать с кино, займись делами семьи. А там и дети пойдут, будешь больше времени им уделять. Самый возраст для деторождения, потом сама же мучиться будешь.

Лицо Линь Лэяо похолодело. Она отложила приборы и холодно сказала:

— Мам, сегодня Сяо Ин пригласила вас поужинать, можно обойтись без этого?

Цзи Жун тоже нахмурилась, ответив жестко:

— Нельзя!

Каждая встреча заканчивалась ссорой. Линь Лэяо чувствовала бессилие и раздражение. Она не понимала, почему после стольких споров Цзи Жун продолжает лезть в её работу и говорить неприятные вещи. Линь Лэяо закусил губу, сжимая кулаки под столом.

В этот момент молчавшая Синь Ин поднялась:

— Прошу прощения, но я не согласна с вашими словами, — она снова перешла на обращение

«тетя».

За столом воцарилась тишина. Синь Ин с мрачным видом произнесла:

— Лэяо — моя жена. Она вольна делать всё, что хочет. Хочет работать — будет работать, хочет отдыхать — будет отдыхать. Надеюсь, вы не будете навязывать свои взгляды на нашу семейную жизнь.

Сказав это, Синь Ин крепко сжала холодную ладонь Линь Лэяо. Тепло потекло по её руке, и Линь Лэяо почувствовала, как её ладонь согревается. Глядя на Синь Ин, она наконец обрела внутреннее спокойствие.

Ужин закончился плохо. Выйдя из ресторана, Синь Ин не отпускала руку Линь Лэяо.

Опершись о дверь пассажирского сиденья, Линь Лэяо, выпившая за ужином вина, смотрела на Синь Ин влажными глазами, а уголки её глаз подозрительно покраснели. Синь Ин видела, как тяжело ей дался разговор с матерью, поэтому не мешала пить.

Немного придя в себя, Линь Лэяо глубоко вздохнула и охрипшим от алкоголя голосом сказала:

— Поехали.

Хотя внешне она держалась уверенно, Синь Ин знала: она уже пьяна.

Усадив её в машину, Синь Ин повезла её на свою виллу. В честь регистрации брака дом был украшен красными иероглифами «Счастье», а в саду мерцали гирлянды.

Синь Ин помогла ей дойти до спальни. Линь Лэяо, хоть и открывала глаза, была в полузабытьи и послушно выполняла всё, что ей говорили.

Синь Ин достала пижаму, собираясь помочь переодеться, но, коснувшись перламутровых пуговиц на воротнике, вспомнила, как в прошлый раз видела её обнажённую спину на этой самой кровати. Рука замерла.

Линь Лэяо не спала, издавая невнятные звуки. Спohватившись, Синь Ин положила пижаму на тумбочку и вышла из комнаты.

На этот раз пьяная Линь Лэяо вела себя тихо. Синь Ин приняла душ и легла в постель, листая ленту Weibo, но мысли были далеко. Не зная, уснула ли Линь Лэяо, она долго смотрела в пустоту.

Спустя какое-то время из гостевой спальни донесся грохот. Синь Ин вскочила и бросилась туда. На полу валялась початая бутылка водки, а лицо Линь Лэяо пылало алым. Видимо, она допила остатки.

Линь Лэяо сидела на ковре, тяжело дыша, и пыталась выудить из-под кровати новую бутылку. У Синь Ин задергался глаз. Она откинула одеяло и обнаружила целый склад алкоголя — Сюй Хун, гостившая здесь на днях, явно постаралась.

Синь Ин успела перехватить Линь Лэяо, но та не хотела ложиться обратно и начала

вырываться. В суматохе перламутровая пуговица отлетела от её воротника.

Синь Ин увидела её обнаженные ключицы и нежную кожу, и сердце пропустило удар. Она потянулась, чтобы запахнуть одежду, но Линь Лэяо перехватила её руки и, глядя затуманенным взглядом, внезапно прильнула к ним губами.

Синь Ин отдернула руки, как от раскаленного железа. Её невозмутимое лицо впервые дало трещину.

Линь Лэяо поднялась, глядя на Синь Ин в упор. Их губы встретились. Синь Ин зажмурилась. Линь Лэяо неумело, но нежно целовала её, терзая сердце Синь Ин.

Синь Ин резко открыла глаза, обхватила лицо Линь Лэяо ладонями и, глядя в её темные глаза, хрипло спросила:

— Ты знаешь, кто я?

Линь Лэяо ответила по слогам:

— А... Ин.

Синь Ин впилась в её губы поцелуем. Линь Лэяо тихо вскрикнула. Проникнув внутрь, язык Синь Ин начал свой захват. Линь Лэяо была вынуждена подчиниться.

Дыхание Синь Ин участилось. Она подхватила Линь Лэяо на руки и понесла в свою спальню. Ворвавшись в комнату, она бросила её на кровать.

В комнате было полумрак, лишь тусклый свет торшера падал на стену, где переплетались две тени. Линь Лэяо тяжело дышала, а руки Синь Ин скользили по её телу. Линь Лэяо закусила губу, чувствуя, как волна жара пронзает её насквозь.

...

Золотые лучи солнца пробивались сквозь шторы. Постель была в беспорядке, двое обнаженных людей спали, прижавшись друг к другу.

Линь Лэяо проснулась и почувствовала тяжесть руки на своей талии. Воспоминания прошлой ночи нахлынули на неё — она помнила всё. В день регистрации брака они стали по-настоящему близки.

Пока она лежала, размышляя, Синь Ин поцеловала её в мочку уха и хрипло спросила:

— Проснулась?

— Угу.

Линь Лэяо повернулась лицом к Синь Ин. Она впервые видела её так близко: растрепанные волосы, припухшие глаза, следы её собственных поцелуев на шее... Синь Ин рассмеялась под её пристальным взглядом и провела рукой по уголку её глаза.

— Хочешь есть? Я приготовлю завтрак.

— А тетя? — прохрипела Линь Лэяо.

— Она взяла отгул, никого не будет.

Линь Лэяо обняла её за шею:

— Не хочу вставать.

— Тогда не хочешь есть?

— Нет.

Синь Ин усмехнулась:

— Хорошо. Тогда съем тебя.

Они встали с постели только к обеду. Синь Ин в халате варила суп от похмелья, а Линь Лэяо, умывшись, подошла и обняла её со спины.

— Садись, выпей суп, потом поедem за дедушкой.

Сегодня был семейный ужин в поместье Синь, куда пригласили и семью Цзи. Вспомнив вчерашнюю ссору с Цзи Жун, Линь Лэяо помрачнела.

— Ты на следующей неделе уезжаешь на Хэндянь? — спросила Синь Ин за столом.

— Да.

— Пиши мне каждый день.

— Хорошо.

Во второй половине дня они забрали дедушку и отправились в поместье Синь. Там уже вовсю кипела жизнь. Синь Гуанцзинь ждал их во дворе, и как только приехал Цзи Хунчэнь, они сразу ушли в кабинет.

Линь Лэяо вышла к воротам встретить Цзи Жун и Линь Шуцзюня. Вдоль ограды вился зеленый плющ, выглядевший очень свежо в осенний день.

Вдали показалась машина. Линь Лэяо присмотрелась и встретила взглядом с водителем. Обе застыли от изумления.

Тан Жань была в ярости! Линь Лэяо когда-то была с Синь Вэньвэнь, и видеть её здесь, в день семейного ужина семьи Синь, было для неё шоком.

Тан Жань приехала одна. Несколько дней назад Синь Вэньвэнь призналась ей, что она дочь Синь Боляна, и пригласила на семейный ужин. Тан Жань была потрясена — она и не подозревала, что Синь Вэньвэнь из такой семьи. Она колебалась: одно дело — встречаться, другое — знакомиться с родителями. Видимо, заметив её нерешительность, Синь Вэньвэнь разозлилась, перестала отвечать на звонки, и Тан Жань не смогла найти её дома.